

УДК / UDC 343

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_39

О НЕКОТОРЫХ РЕАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Глушков Максим Рудольфович

Старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции (Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0003-3964-6784, e-mail: glushkov.mr@mail.ru.

В статье скептически оцениваются некоторые сложившиеся в правовом сообществе взгляды на возможности применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Негативная тенденция состоит в том, что эти возможности воспринимаются с крайних позиций: либо явно недооцениваются (и тогда высокопроизводительные вычислительные мощности предлагается применять для решения примитивных задач), либо на них возлагаются неоправданные надежды (задачи при этом масштабны и абстрактны). Предлагаются практически востребованные и конкретные направления использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: расчет нагрузки на следователя и автоматизация протоколирования допросов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, нейросети, Digital Twins, Big Data, Crimeserieslinkage, расчет нагрузки на следователей, автоматическое протоколирование допросов, транскрибирование

Для цитирования: Глушков М. Р. О некоторых реальных возможностях применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 39–46. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_39.

ABOUT SOME REAL POSSIBILITIES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Glushkov Maxim

Senior lecturer, Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, colonel of justice (Saint-Petersburg), ORCID: 0000-0003-3964-6784, e-mail: glushkov.mr@mail.ru.

The article critically evaluates some of the views that have developed in the legal community on the possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings. The negative trend is that these capabilities are perceived from extreme positions – either they are clearly underestimated (and then high-performance computing power is proposed to be used to solve primitive tasks), or unjustified hopes are placed on them (when the tasks differ in scale and abstract nature). Practically demanded and specific directions of using artificial intelligence in criminal proceedings are proposed: calculating the burden on the investigator and automating the recording of interrogations.

Key words: artificial intelligence, criminal proceedings, neural networks, Digital Twins, Big Data, Crimeserieslinkage, calculation of the workload of investigators, automatic recording of interrogations, transcription

*For citation: Glushkov M. (2025) About some real possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 39–46, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_39.*

Мы в глупом положении человека, рвущегося
к цели, которой он боится, которая ему не нужна...

Станислав Лем

Искусственному интеллекту (ИИ) в уголовном судопроизводстве посвящено немало работ, однако их изучение свидетельствует о том, что авторы понимают данный феномен, в общем, обывательски: как подобие волшебной палочки, взмахом которой решаются любые проблемы. Отсюда – преобладание абстрактных суждений и отсутствие конструктивных идей.

Так, утверждается, что «...искусственный интеллект вполне способен взять на себя роль такого фильтра (для отсева недоброкачественной, а значит, и потенциально недостоверной информации. – М. Г.). При собирании доказательств следователь всегда получит от виртуальной системы сигнал, если сведения получены не путем проведения следственных действий или с нарушением правил их производства, если они собраны ненадлежащим субъектом или из не установленных в законе источников»¹. Вопрос, возникающий по поводу такой публикации, состоит даже не в том, каким именно образом сама система должна понять, что ей пора подавать сигналы, а в том, почему искусственному интеллекту (раз уж он способен на такое волшебство) не поручить сразу расследование дела в полном объеме и направление его прокурору?

Нужно учитывать, что по своей сути ИИ – это «всего лишь» небывалые вычислительные мощности современных компьютеров, настолько высокие, что в них может быть заложен алгоритм «самообучения», что воплощается сейчас в так называемых нейросетях (еще одно броское название и маркетинговый ход для продвижения программного продукта). Но каким бы производительным ни был компьютер, он все равно остается вычислителем и ничем иным никогда не будет. Перед ИИ требуется ставить конкретные задачи, его нельзя просто включить в розетку и «поднести» к уголовному судопроизводству, чтобы дальше он сам каким-то образом все улучшил.

Авторы, которые это понимают, нередко уходят, однако, в другую крайность и недооценивают возможности цифровых технологий, предлагая ставить перед ними задачи, с одной стороны, действительно конкретные, но с другой – явно несопоставимые с этими возможностями.

Так, предлагается решать проблему недостаточной мотивированности решений следователя о применении мер пресечения (прямо скажем, не самую актуальную) с помощью программы, которая «предусматривала бы определенные „кодовые слова“, отсутствие которых блокировало бы распечатку немотивированного решения или ходатайства следователя, понуждая его быть более точным при составлении таких документов»². Сложно представить, в каких формах могла бы протекать борьба следователя с компьютером, отказывающимся печатать документы, но как раз в этом случае можно прогнозировать превосходство обычного интеллекта над искусственным.

Другая «проблема», решить которую рекомендуется с помощью ИИ, «связана с несвоевременным, запоздалым признанием лиц потерпевшими. Цифровая программа могла бы содержать определенный таймер: если в заявлении, в постановлении о возбуждении уголовного дела содержится информация о том, кому и какой причинен вред, это лицо имеет право быть признанным потерпевшим, и программа могла бы постоянно напоминать следователю о необходимости незамедлительно произвести такое действие»³. Неясно, почему автор исходит из убеждения о том, что непризнание потерпевшим обуславливается забывчивостью следователя (на самом деле это всегда сознательный ход), но даже в этом случае спорно выглядит идея о возложении функций простой «напоминалки» на систему, способную синтезировать голос и динамическое изображение человека, неотличимые от настоящих.

Еще одно направление, в котором предлагается использовать ИИ, можно условно именовать криминалистическим (приведенные выше точки зрения касались процессуальных аспектов). В качестве примера здесь следует привести экспертную систему

¹ Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 31.

² Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 46.

³ Там же.

«Маньяк», разработанную для поддержки принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных на сексуальной почве. Она осуществляет разработку наиболее вероятной версии о типе преступника с ограничением круга лиц, подлежащих проверке на причастность к преступлению¹. НИИ криминалистики Следственного комитета РФ в 2021 г. запатентовало компьютерную программу Crimeserieslinkage, предназначенную для построения поисковых портретов серийных преступников, выявления в массиве нераскрытых деяний тех, что носят серийный характер, и установления наиболее вероятного подозреваемого из числа лиц, учтенных в базе данных о преступниках (так называемой *приоритезации* подозреваемого)².

Сходная современная технология – цифровой двойник (Digital Twins). Это синхронизированная виртуальная модель любых объектов, систем, людей, процессов и сред, имитирующая внутренние процессы, технические характеристики и поведение реального объекта в условиях воздействия помех и окружающей среды. Цифровой двойник отслеживает прошлое, предсказывает будущее и является обучаемой системой, состоящей из комплекса математических моделей разного уровня сложности³. Цифровой двойник, например, серийного убийцы будет формироваться с учетом его устойчивого криминального почерка, по которому можно установить однотипность жертв, стереотипность преступных действий, орудия, способа и обстановки его совершения, а также характера нанесенных телесных повреждений, ранений и иных признаков, отобразившихся в следовой информации⁴.

Применение технологии Big Data (обработки больших массивов данных) позволит, как ожидается, повышать достоверность и точность рекомендаций для производства следователем тех или иных действий в конкретной следственной ситуации. Более того, в зависимости от практического результата использования каждой такой рекомендации искусственный интеллект может самообучаться и повышать их достоверность. Например, если производство предложенного им следственного действия не приведет к получению нового доказательства, то он «отметит» для себя это действие как неудачное, а если будет положительный результат, то как удачное⁵.

В отдельных учебных изданиях можно встретить такое утверждение: «При расследовании конкретного уголовного дела в компьютер автоматизированного рабочего места следователь в диалоговом режиме вводит сведения о составе и способе преступления, предмете преступного посягательства, потерпевшем и др. После обработки на дисплей выдаются рекомендации, которые могут быть использованы в планировании расследования, позволяют сгруппировать данные по эпизодам и по участникам, подсказывают, как осуществить конкретное следственное действие, произвести поиск и сопоставление эпизодов, фамилий, кличек, дат и пр.»⁶ Приведенные выше рекомендации не учитывают, однако, того важного обстоятельства, что компьютерной программе, какой бы совершенной она ни была, требуются исходные данные, которые она смогла бы обчислить. А для следователя, занимающегося версионной работой, проблема состоит как раз в острой нехватке таких данных.

Вместо того чтобы анализировать отрывочные сведения, из которых может следовать все что угодно, и выстраивать на них абстрактные версии, следователю нужно концентрироваться на получении новых фактов. Это делается путем производства следственных и процессуальных действий, на которые у следователя подчас просто не хватает времени в силу загруженности другой работой. Эта работа в большинстве

¹ Бутышкин И. А., Вольскас А. С. Искусственный интеллект в праве // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск). Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 37.

² Бессонов А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений: преимущества и ограничения // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики: материалы конф. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. С. 118–124.

³ Новогонская М. С., Федоров А. Р., Федоров П. А. Высокотехнологичное моделирование как метод выявления серийных убийц // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Малина М. А. Указ. соч. С. 31.

⁶ Криминалистика: учеб. 2-е изд., испр., доп. и перераб. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

своем техническая и рутинная, такая, например, как копирование материалов уголовного дела, доклады о результатах расследования, выезд в экспертное учреждение, представление уголовного дела в прокуратуру или следственное управление.

Большой и ничем не оправданный объем неквалифицированной работы, которую приходится выполнять следователю, – вот главная проблема досудебного производства по уголовным делам в нашей стране. Соответственно, основная задача по совершенствованию предварительного расследования состоит в снижении этого объема.

Следствие продвигается вперед, опираясь на факты, а не на рассуждения (хотя нередко и на них тоже). Это не значит, что мыслительная работа следователя неважна или что раскрытие и расследование преступлений должно осуществляться только «ногами». Это значит, что разработки всевозможных интеллектуальных помощников для следователя, который тратит по несколько часов на то, чтобы подшить уголовное дело с помощью архаичных приспособлений, скопировать и отнести документы в суд, отвезти запрос в батальон конвойной службы и т. д., выглядят не вполне уместно (не говоря уже о результативности и перспективах этих разработок, вызывающих большие вопросы).

Важно учитывать это соображение: не от творческой и когнитивной работы нужно стремиться освободить следователя, а от технической и рутинной, в отсутствие которой, располагая необходимым временем, с когнитивными задачами он справится сам. Пока же приходится констатировать настойчивые и необъяснимые попытки оптимизировать работу, на которую приходится максимум 5 % временных затрат следователя, в сочетании с полным игнорированием остальных 95 %.

С учетом изложенного не вполне оправданной выглядит рекомендация о том, чтобы ИИ «подсказывал» следователю, какие следственные действия обычно производятся в данной типовой ситуации¹, или о том, чтобы компьютер составлял для допроса перечень исходных вопросов, был «участником» беседы, помогал следователю в управлении разговором, осуществлял оперативный анализ ответов и корректировал мысль следователя².

То же касается судей, хоть и в меньшей степени: большой объем рутинной работы для них выполняют помощники и секретари. Поэтому спорным представляется предлагаемое для них подспорье в виде калькулятора размеров наказания. Однако более подробное рассмотрение этой проблемы, лежащей преимущественно в плоскости уголовного права и криминологии, выходит за рамки данной статьи.

Надо сказать, что вопросы вызывает также не вполне понятная закрытость упомянутых «криминалистических» методик: из посвященных им публикаций невозможно понять, какое именно программное обеспечение призвано их реализовать, на каких алгоритмах оно основано и каковы его возможности – не потенциальные, о которых пишут в сослагательном наклонении, а действительные, которые можно посмотреть на примере конкретных уголовных дел³.

Возвращаясь к теме данной публикации, отметим также, что об этих методиках, нацеленных на раскрытие преступления, едва ли можно говорить как о применении ИИ в уголовном судопроизводстве, по крайней мере, если воспринимать последнее в его буквальном значении, а именно как юридическую процедуру.

Если говорить о раскрытии преступления (установлении лица) с помощью ИИ, то правовая дискуссия по этому поводу, как представляется, лишена перспективы, поскольку эта деятельность практически никак не регламентирована и допускает применение любых технологий, методов и средств любой сложности и в любом качестве. У такой дискуссии просто не будет предмета (поскольку говорить можно о чем угодно – от таблиц Excel до тех же баз данных и алгоритмов распознавания лиц) или же он будет иметь сильно «размытые» границы, неуклонно смещаясь в сторону технических дисциплин. От дискуссии нужно отличать обмен положительным опытом раскрытия и расследования преступлений с помощью информационных технологий, который целесообразен и необходим, учитывая их многообразие и повсеместное распространение.

¹ Малина М. А. Указ. соч. С. 31.

² Пржиленский В. И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 131.

³ Едва ли можно обнаружить правдоподобную информацию о раскрытии преступлений исключительно с помощью создаваемых для этого компьютерных программ.

Возможности ИИ оказались превратно восприняты не только в уголовном судопроизводстве. Так, эксперты опровергают в целом технологический прорыв, связанный с появлением нейросетей¹. Известно, что по результатам сравнения роста на рынке с 2021 по 2023 г. акций «обычных» компаний и компаний, специализирующихся на развитии искусственного интеллекта, показатели вторых оказались существенно хуже².

Считается, что применение нейросетей «обоснованно для решения узкого круга задач и для еще более узкого круга практически полезных задач³. Фактическое применение ИНС⁴ далеко выходит за рациональные рамки, а информационный шум во круг этого применения вовсе неадекватен»⁵.

Действительно, компьютер, каким бы мощным он ни был, не может поставить себе цель и определить задачи. Это всегда будет делать человек, а машина была и останется лишь исполнителем заложенной в нее программы. Поэтому и пресловутая способность нейросетей к «самообучению» имеет место лишь до какого-то предела. Говорить о компьютерных технологиях в уголовном судопроизводстве можно, лишь имея в виду постановку перед ними конкретных и узких задач. И хоть уголовное судопроизводство многообразно и заменить действующих в нем людей технологии, вероятно, никогда не смогут, отдельные его элементы вполне могут быть формализованы, оценены количественно и подвергнуты математическим преобразованиям.

Чтобы в какой-то мере компенсировать деструктивное звучание предшествующего текста, по принципу «критикуешь – предлагай» далее приводятся примеры конструктивного подхода к роли искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Первая проблема, которая могла бы быть решена с помощью вычислительных технологий, – это точный расчет нагрузки на следователей. Выполнить его, учитывая все разнообразие профессии, очень непросто, никто этого и не делает, что представляется упущением, поскольку работа должностных лиц, решающих судьбы людей, заслуживает большего внимания. Направленное в суд уголовное дело – это, бесспорно, простой и ясный показатель, но о затратах и заслугах следователя не говорит даже приблизительно. Еще меньше говорит число разрешенных отказных материалов, число дел, находившихся в производстве, и т. д. Точнее было бы ориентироваться на совокупность показателей, но, учитывая их разный вес, без сложной системы коэффициентов она окажется столь же неинформативной⁶.

В информационную систему может быть также заложена функция автоматического распределения уголовных дел и сообщений о преступлениях между следователями – взамен ручного, которое субъективно и к тому же являет собой коррупциогенный фактор. Здесь, с одной стороны, можно возразить, что ни одна система не знает лучше руководителя о возможностях каждого из следователей, их сильных и слабых сторонах (кто-то лучше расследует преступления против личности, кто-то – хозяйственные, кому-то интереснее работа с людьми, кому-то – аналитическая и т. д.), но с другой – автоматическое не значит случайное. В систему нетрудно заложить данные о профессиональных предпочтениях и заслугах следователя (через категории преступлений, данные об опыте расследования предыдущих уголовных дел, результаты психологического тестирования, анкетирования и т. д.). И тем более возможно программными средствами посчитать объем выполненной работы. Все необходимые данные для этого у системы будут: статья УК РФ, количество обвиняемых, количество следственных и процессуальных действий, объем времени, проведенный в системе,

¹ Ученые Стэнфорда считают, что возможности ИИ переоценены и зависят от человека // SecurityLab. URL: <https://www.securitylab.ru/news/537999.php> (дата обращения: 22.12.2023).

² Иван Грачев: «Вес влияния цифрового интеллекта на прогресс сильно переоценен» // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/614888> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Упомянув о победах компьютера над чемпионами мира по шахматам (Гарри Каспаровым в 1997 г.) и го (Ли Седоном в 2016 г.), автор отмечает, что от искусственного интеллекта ожидалось нечто большее, нежели успехи в настольных играх.

⁴ Искусственные нейронные сети.

⁵ Павлов Д. А. Искусственные нейросети в контексте науки и образования // Компьютерные инструменты в образовании. 2017. № 6. С. 30.

⁶ Глушков М. Р. О некоторых преимуществах электронного судопроизводства // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики. С. 205.

и т. д. В отличие от руководителя, который, даже действуя из благих побуждений, на грузку прикидывает все равно «на глазок».

Равномерное распределение нагрузки – действенный фактор здорового психологического климата в коллективе, когда сотрудники видят непредвзятое и справедливое отношение к себе. Особенно он значим в коллективе следователей, которые сами – на переднем крае борьбы с несправедливостью и призваны действовать активно и беспристрастно.

Обратим внимание, что автоматическое распределение уголовных дел представляет собой не что иное, как процессуальное решение, принятое информационной системой, которая в данном случае забирает часть полномочий руководителя следственного органа (согласно п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ именно он вправе поручать подчиненным следователям расследование конкретных уголовных дел, а также изымать их из производства и передавать другим следователям)¹.

Второе перспективное направление – составление протоколов допросов по их аудиозаписи. Распознавание голосов и звучащей речи, преобразование ее в текст (транскрибирование) – давно освоенные технологии. Из этого текста потребуются убрать повторы, слова-паразиты и междометия, не несущие смысловой нагрузки. Выделить в высказывании ключевые слова и расставить их в том порядке, в каком требуют правила русского языка и официальный стиль протокола, программа, вероятно, сможет. По крайней мере, те возможности искусственного интеллекта, что демонстрируют современные смартфоны, позволяют это допустить. На этапе «обучения» программы потребуется вводить в компьютер составленные ею пока несовершенные протоколы, исправленные следователем, с тем чтобы она «понимала», как правильно.

В целом эта задача представляется крайне трудной, но выполнимой – именно потому, что она конкретная и узкая (см. выше). Едва ли нужно доказывать ее важность – допросы являются самым распространенным следственным действием, следователи проводят их ежедневно по несколько раз, а времени на протоколирование в типичном случае тратится в разы больше, чем собственно на допрос, т. е. получение показаний (правдоподобным представляется соотношение $\approx 80 : 20$).

Если грубо посчитать экономию времени от применения такого продвинутого транскрайбера, то счет пойдет, очевидно, на миллионы человеко-часов в год (это только для следователей СК России²). Один миллион часов (только один) при 40-часовой рабочей неделе – это 500 высвобожденных сотрудников, что называется, по самым скромным подсчетам³. Более доходчивой будет другая арифметика: реалистичные расчеты показывают, что автоматическое протоколирование допросов экономит для следователя как минимум 1/10 его рабочего времени (опять-таки полезного). Это означает, что каждый день он мог бы уходить с работы на полтора-два часа раньше.

В заключение обозначим еще раз идею, красной нитью идущую сквозь статью: перспективы применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве туманны и останутся таковыми до тех пор, пока обсуждение предмета будет отвлеченным и абстрактным. Слова профессора Снаута из «Соляриса», вынесенные в эпиграф, звучат, возможно, слишком сильно, но мысль автора (не исключено, впрочем, что ошибочную) передают ясно: в правовом сообществе много пишут об искусственном интеллекте, но не знают, что с ним делать. Едва ли можно уклониться от вопроса о причинах такого положения дел. Как представляется, одной из них является тот факт, что российский уголовный процесс в нынешнем своем виде невосприимчив к внедрению информационных технологий. Качественно улучшить ситуацию, сделав судопроизводство технологичным и эффективным, возможно лишь через реформу законодательства, основу которой составят электронное уголовное дело и электронный документооборот.

Как именно потребуются изменить законодательство – это отдельный вопрос, но покуда оно остается прежним, никакой революции в судопроизводстве технологии не произведут. Как не произвели в начале 2000-х гг., когда начиналась компьютериза-

¹ Глушков М. Р. Указ. соч. С. 203–204.

² Чуть менее 10 тыс. человек.

³ Транскрайбер экономит не рабочее время вообще, из которого складываются эти 40 часов в неделю, а полезное – время, в течение которого работник занят делом.

ция органов прокуратуры и внутренних дел¹. А то был действительно прорыв, скачкообразный рост возможностей, по сравнению с которым теперешний прогресс – это, как сказали бы классики советской сатиры, детская игра в крысу. Если иметь в виду доступную для практиков вычислительную технику, то сейчас, в эпоху ИИ, можно говорить, что более производительные процессоры заменяют собой менее производительные, в то время как в начале нулевых годов компьютеры заменили собой ничто (если не считать технологиями авторучки и пишущие машинки).

Список литературы

Бессонов А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений: преимущества и ограничения // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики: материалы конф. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. С. 118–124.

Бутышкин И. А., Вольскас А. С. Искусственный интеллект в праве // Высотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск). Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 33–39.

Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 34–51.

Глушков М. Р. О некоторых преимуществах электронного судопроизводства // Современное состояние и перспективы развития технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники. Цифровые технологии современной криминалистики: материалы конф. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. С. 194–208.

Криминалистика: учеб. 2-е изд., испр., доп. и перераб. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32.

Новогонская М. С., Федоров А. Р., Федоров П. А. Высотехнологичное моделирование как метод выявления серийных убийц // Высотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск). Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2022. С. 188–192.

Павлов Д. А. Искусственные нейросети в контексте науки и образования // Компьютерные инструменты в образовании. 2017. № 6. С. 25–30.

Пржиленский В. И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 125–132.

References

Bessonov A. A. (2022) Ispol'zovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestuplenii: preimushchestva i ogranicheniya [The use of artificial intelligence technologies in crime investigation: advantages and limitations]. In *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo i ekspertnogo soprovozhdeniya rassledovaniya prestuplenii, sopryazhennykh s ispol'zovaniem sredstv vychislitel'noi tekhniki. Tsifrovye tekhnologii sovremennoi kriminalistiki: conference papers*. Moscow, Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii, pp. 118–124.

Butyshkin I. A., Vol'skas A. S. (2022) Iskusstvennyi intellekt v prave [Artificial intelligence in law]. In *Vysokotekhnologichnoe pravo: genezis i perspektivy: conference papers*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 33–39.

Glushkov M. R. (2022) O nekotorykh preimushchestvakh elektronnoho sudoproizvodstva [About some advantages of electronic legal proceedings]. In *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo i ekspertnogo soprovozhdeniya rassledovaniya prestuplenii, sopryazhennykh s ispol'zovaniem sredstv vychislitel'noi tekhniki. Tsifrovye tekhnologii sovremennoi kriminalistiki: conference papers*. Moscow, Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii, pp. 194–208.

Ishchenko E. P., Toporkov A. A. (2010) Kriminalistika: uchebnik [Criminalistics: textbook], 2nd ed. Moscow, KONTRAKT, INFRA-M. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Malina M. A. (2021) Tsifrovizatsiya rossiiskogo ugovnogo protsessa: iskusstvennyi intellekt dlya sledovatelya ili vmesto sledovatelya [Digitalization of the Russian criminal process: artificial intelligence for the investigator or instead of the investigator]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 2, pp. 29–32.

Novogonskaya M. S., Fedorov A. R., Fedorov P. A. (2022) Vysokotekhnologichnoe modelirovanie kak metod vyyavleniya seriinykh ubiits [High-tech modeling as a method of identifying serial killers]. In

¹ Нельзя сказать, что на этом этапе закон не менялся – с 1 июля 2002 г. начал действовать ни много ни мало новый Уголовно-процессуальный кодекс. Он привнес немало новшеств в уголовное судопроизводство, но формат расследования оставил бумажным.

Vysokotekhnologichnoe pravo: genezis i perspektivy: conference papers. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 188–192.

Pavlov D. A. (2017) *Iskusstvennye neiroseti v kontekste nauki i obrazovaniya* [Artificial neural networks in the context of science and education]. In *Komp'yuternye instrumenty v obrazovanii*, no. 6, pp. 25–30.

Przhilenskij V. I. (2020) *Opyt matematizatsii prirody v tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva* [The experience of mathematization of nature in the digitalization of criminal proceedings]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 125–132.

Voskobitova L. A. (2020) *Ispol'zovanie funktsional'nogo podkhoda dlya tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva* [Using a functional approach to digitalize criminal proceedings]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, no. 10, pp. 34–51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.12.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025